

ЕВГЕНИЙ КСМАНОВ

А. К.: А есть ли какой-то тренд, на который все прогнозы обратили внимание именно в этом году? И выпятили его? Или же нет такого?
Т. М.: Сланцевая нефть и сланцевый газ по-прежнему безумно популярны.

А. К.: Вы вышли на мировой прогнозный рынок недавно, три года назад. Ваш прогноз замечен?
Л. Г.: Можно считать, что наш прогноз не просто национальное производство, но мы уже часть мирового процесса научно-прогностической конкуренции. И конкурируя друг с другом, мы повышаем качество предсказаний.

А. К.: Ваш прогноз вышел за рамки России?
Т. М.: Конечно, он переведен на английский, мы его сразу распространили везде, где можно, его и Европейская комиссия, и Департамент энергетики США, и министерства энергетики Японии, Кореи, ОПЕК — все изучали.

А. К.: То есть ваш прогноз встроился в ряд прогнозов, уже существующих в мире. Много ли их, кстати?
Т. М.: Прогноз Международного энергетического агентства, прогноз Департамента энергетики США, прогноз ОПЕК, очень, кстати, хороший, прогнозы компаний. Все крупные мейджоры делают такие: BP, Exxon, Shell и т. п. В общей сложности в мире есть десятка два равнозначных прогнозов со своим любопытным ракурсом.

А. К.: А есть ли какие-то точки соприкосновения всех этих двух десятков прогнозов? То есть все одинаково негативны?
Т. М.: У нас не самый пессимистичный прогноз, мы посередине, может, чуть ниже.

А. К.: В прогнозе-2013 вы сформулировали несколько главных задач для российской экономики: повышение конкурентоспособности, переход к налогу на прибыль, со-

кращение затрат, энергосбережение. Что в этом пакете изменилось или добавилось, что ушло?
Т. М.: На самом деле часть наших призывов, касающихся налогообложения, была услышана. Летом 2013 года были приняты изменения по налогам, введены налоговые льготы по трудноизвлекаемой нефти. И на уровне правительства началось более реалистичное обсуждение модернизации налоговой системы.

А. К.: Появляется осознание?
Т. М.: Мне кажется, что да, прогресс есть, хотя, сколько времени пройдет до того, как это осознание трансформируется в решения, неизвестно. По всем остальным вещам, что касается контроля над затратами компаний, по-прежнему очень много вопросов практически ко всем нашим крупным проектам.

А. К.: В прошлом году, когда мы обсуждали предыдущий прогноз, вы говорили о том, что в России до сих пор нет целенаправленного организованного мониторинга и анализа и прогнозирования энергетических рынков.
Т. М.: К сожалению, за этот год ничего не изменилось. Мы по-прежнему делаем это все на том же самом чистом энтузиазме, мы по-прежнему далеко не уверены, что нам удастся убедить то же Министерство энергетики, что им нужно такое долгосрочное видение развития мира и места России в мировой энергетике.

А. К.: То есть вас нужно зарегулировать?
Т. М.: Если в государстве есть потребность в неких исследованиях, то либо выделяются гранты, либо формируется конкретный заказ под это, либо создается государственная структура, которая этим занимается, как Департамент энергетики США. Либо это национальные агентства, когда речь идет о Китае, Японии, Норвегии. А у нас нет ни организации, которая бы этим занималась, ни специально выделяемого финансирования под это. Но более того, вот

уже есть прогноз, который сделан. И на самом деле все с большим удовольствием, без ложной скромности скажу, наш прогноз читают и с большим удовольствием его используют (зачастую, к сожалению, не ссылаясь на источник, но тем не менее...). Но при этом подумать на шаг дальше — хорошо, а если в следующем году этого прогноза не будет, то чем мы будем пользоваться? — вот до этого дело, к сожалению, не доходит. Но нас это пока не останавливает — мы свое дело продолжаем.

А. К.: Нет со стороны государства запроса, который был бы обеспечен бюджетом на прогнозирование, и, с другой стороны, нет запроса со стороны государства на контакты и продвижение этого прогноза и, получается, российской науки за рубежом?
Т. М.: Оно происходит каким-то стихийным образом, как, например, презентация прогноза, которую мы делали с Леонидом Марковичем в Вашингтоне, которая действительно была ярким событием в посольстве России. Посольство само нам говорило, что это был едва ли не главный хит сезона.

А. К.: То есть заказа со стороны государства на это нет?
Т. М.: Как последовательно осуществляемой стратегии — нет. А жаль. Россия — серьезный игрок на мировой энергетической арене, и потому интерес за рубежом к ее позиции по основным вопросам развития энергетических рынков очень высок.

А. К.: В предыдущем прогнозе была такая дефиниция, что Россия, российская экономика начнут чувствовать первые серьезные негативные изменения, по крайней мере, на нефтяном рынке, возможно, уже к 2015-2018 годам. Вот сейчас к какому выводу вы можете прийти, завершив работу по прогнозу-2014?
Т. М.: Подтверждаем предыдущий прогноз. Если говорить именно о среднесрочном прогнозе, мировая экономика находится в достаточно вялом состоянии. Спрос на угле-

водороды растет очень медленно. В некоторых регионах не растет вообще и даже сокращается, конкуренция на рынке достаточно высокая, и мы не видим оснований для надежд, что цены могут скакнуть вверх и обеспечить нам новый золотой дождь. А выход новых игроков — это как раз ближайшее десятилетие, так что есть вероятность пусть и не радикального, но все же ощутимого для российского бюджета снижения цен.

А. К.: А если по долям, сколько и на что придется к 2020 и 2040 годам в общей корзине энергопотребления?
Т. М.: Идет общий тренд по всей мировой энергетике: выравнивания долей нефти, газа, угля и всех нетопливных видов энергетике (гидроэнергетика, альтернативная энергетика, новые возобновляемые источники энергии, атомная энергетика) — каждой примерно по четверти. В 1960-х годах было доминирование угля, потом совершенно четкое доминирование нефти, но с течением времени эти доли становятся примерно равными. Такая диверсификация корзины происходит естественным образом: система стремится к собственной устойчивости.

А. К.: Для вас неожиданностей в новом прогнозе при работе над его составлением не было?
Т. М.: Для нас было достаточно неожиданным осознание того, что к 2040 году появится дефицит по газу, востребованы будут все его коммерчески доступные ресурсы. Мир приближается к такому переломному моменту не по нефти, о пике которой только ленивый не говорил (и которой у нас со всеми новыми технологиями получается просто хоть залейся), а по газу. И это связано не с дефицитом ресурсов (их-то миру хватит больше чем на сто лет), а с дороговизной их разработки. И, конечно, изрядно поменяло ситуацию осознание того, что Китай в 2011-2013 годах потреблял энергии по факту больше, чем ему прогнозировали на 2015 год. Успех в сдерживании энергоемкости китайской экономики оказался лишь временным, в итоге это приведет к более высоким объемам потребления энергии как в Китае, так и в целом в мире (в силу масштаба китайской экономики), что повлияет и на торговые потоки, и на энергобалансы по всем регионам.

А. К.: То есть мировой прогноз по энергопотреблению становится более дефицитным?
Вячеслав Кулагин: Да, становится более дефицитным, причем наиболее дефицитным он становится по газу. По нефти мы проблем не видим, даже к 2040 году. А по газу — видим. И в отдельных странах (в частности, в Китае и Индии) возможно усложнение ситуации с углем — мы посвятили этому отдельный сценарий.

А. К.: То есть вы прогнозируете, что динамика роста удорожания энергии, в частности в Китае, будет опережать динамику воспроизводства валового продукта?
В. К.: Фактически — да. И в связи с этим Китай может потерять свою конкурентоспособность в мировой экономике, он может потерять современный статус мировой мануфактуры. Что заставляло раньше все предприятия идти в Китай? Дешевая энергия, очень дешевая, прежде всего за счет собственного угля. И дешевая рабочая сила. Что сейчас происходит? Мы видим удорожание энергии и, если вы следите за уровнем душевого дохода в Китае, кратное удорожание зарплат. Это удорожание приведет к тому, что в последующие десятилетия мы увидим другой Китай, у которого больше не будет конкурентных преимуществ. Тем временем благодаря дешевой энергии начнется реиндустриализация США. В итоге можно ожидать перераспределения роли мировых игроков относительно прежних оценок. ■

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ИМЕННО О СРЕДНЕСРОЧНОМ ПРОГНОЗЕ, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА НАХОДИТСЯ В ДОСТАТОЧНО ВЯЛОМ СОСТОЯНИИ. СПРОС НА УГЛЕВОДОРОДЫ РАСТЕТ ОЧЕНЬ МЕДЛЕННО